

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики – доктор Шагвич

Из России уезжали во все времена. Уезжали, чтобы уже через некоторое время по старинной русской традиции безудержно тосковать по бывшей родине, ностальгически вспоминая о берёзках, национальном разгильдяйстве и прошедшей молодости. И если в былые времена бегство из «немой России» являлось прерогативой рефлексирующей творческой интеллигенции, то волна иммиграции конца прошлого века имела явный национальный оттенок. Хотя и не менее творческий. А так как отъезд на постоянное место жительства – это серьёзное мероприятие, требующее определённого уровня интеллектуальных и физических сил отъезжающих, то стало привычным хорошим тоном свои духовные переживания и метания увековечить на бумаге. Многочисленные литературные потуги описать процесс иммиграции делались всегда с большой долей самоиронии, заправленной приличной порцией местечкового юмора. Не обошла доля сея и меня, и вот что из этого получилось.

Записки из старого баула в синюю клетку

Пролог

Перед самым отъездом мы с женой отправились на вещевой рынок за чемоданом. Вернее, за любой достаточно большой ёмкостью, способной выдержать безопасное перемещение всего нажитого за тридцать с лишним лет на большое расстояние. Наше материальное благополучие того времени позволяло очень незначительные финансовые вложения: на хороший чемодан денег не хватило, и по соображениям целевой направленности был куплен огромный китайский баул в сине-белую клетку, известный любому гражданину нашей необъятной страны.

Впоследствии он стал моим первым шкафом для вещей, затем хранилищем ненужных предметов одежды, а в конце концов прибежищем для отработанной художественной литературы, в качестве которого и был найден при переезде в дальнем углу сарая. Я сидел уже который час над открытым баулом, перебирая старые газеты, журналы, детские книги и школьные тетради двух поколений. Выкидывать «сокровища» было жалко, но везти всё это барахло на новую квартиру не хотелось. Вспомнив литературные потуги небезызвестного Довлатова с его чемоданом, было решено баул с почестями похоронить, а для сохранения его памяти в веках сделать несколько набросков воспоминаний «очередного уехавшего». Вечная память всем баулам, чемоданам и прочему багажу, ставшим ненужным после переселения в новую жизнь.

Переезд

24 августа, аккуратно в празднование Дня Независимости Украины, автобус фирмы «Кауффманн», заполненный надеждами о счастливом будущем и чемоданами с фамильной посудой и советским постельным бельём, отправился в поездку на Запад по маршруту Киев-Мюнхен. Среди сорока четырёх пассажиров – владельцев баулов и чемоданов – из страны уезжал бедный во всех смыслах, включая материальные и моральные аспекты, еврей тридцати трёх лет с полагающейся по национальному статусу наружностью. Это, как не трудно догадаться, был ваш покорный слуга. При виде

праздничных плакатов на улицах столицы, мелькающих за окном, вместо пафосно-прощального настроения у меня в голове крутился вечный и неразрешимый вопрос: кто от кого стал теперь независим – я от Украины или она от меня. И является ли это поводом для празднования. Бывшая Родина с бесконечными полями необранного подсолнуха и кукурузы промелькнула за окном практически незаметно. Было грустно и тревожно-радостно одновременно. Львов с колдобинами на центральных проспектах и вошедшими пассажирами, говорящими на неисправимом западно-украинском суржике, в памяти особенно не отложился. Автобус неумолимо подъезжал к границе с Польшей.

– Слышь, друг, просьба есть, помоги, – мужик явно спекулянтского вида дыхнул в лицо перегаром, – сумку возьми, а то у меня их семь штук. А разрешают всего две.

Похоже то, о чём меня наставляли и предупреждали опытные ездоки за границу, началось. Меня хотели кинуть, подставить, ограбить и превратить в незаконопослушного гражданина одновременно.

– Не могу, у меня у самого три. Вернее две с половиной, – на самом деле у меня с собой был один огромный китайский баул в синюю клетку на молнии, приобретённый на рынке, и спортивная сумка.

– А-а-а, на постоянку едешь... Ну-ну. Слушай, земля, а тогда переложи пару пакетов к себе, там еда и сигареты. У меня перебор.

– Нет, – я решил проявить невиданную твёрдость, – не курю. И не голоден.

Мужик обиженно отстал. И уже через минуту стал клянуть у женщины интеллигентного вида, сидящей через проход.

Последние полчаса перед границей автобус начал заметно волноваться. Документы перепроверялись в сотый раз. Содержимое ручного багажа перетряхивалось до подкладки, чтобы ещё раз удостовериться, что ничего противозаконного нет. Незаметным похлопыванием по интимным местам с обязательным поглядыванием по сторонам прошупывались затаённые на теле кровные доллары и немецкие марки. У меня их было двести. Долларов. Сто в кармашке нижнего белья и четыре двадчатки, растыканные по носкам в багаже. Ещё двадцатка одиноко, но гордо расположилась в паспорте. Она предназначалась для такси от места высадки из автобуса до пункта назначения по приёму евреев и иже с ними. Итого двести. Долларов. Ан нет, вернее, двести восемь. Официальные восемь купюр нагло красовались портретами американских президентов на видном месте в портмоне. Подготовительные планы нарушил бугай уголовного вида с задних сидений. Он с хозяйским видом вышел на середину автобуса и пробасил опытным и потому почти скучающим голосом, словно контролёр в трамвае:

– Сдаём каждый по пять баксов для таможни, а то спокойно не проедем, обшманоут до нитки, – и пошёл по рядам.

Народ начал покорно рыгаться у себя в сумочках, с тяжёлым вздохом готовясь расстаться с кровными.

– У меня ничего такого нет, я не боюсь, – офицер с третьего ряда отвернулся к окну, – пусть проверяют.

– Слышь, лейтенант, не хочешь – бя – не сдавай, а народ переживает. Я законы на таможне знаю. Отберут даже то, что положено, – бас стал ещё ниже и опаснее.

– Не отберут. У меня нечего отбирать.

– Я тоже сдавать не буду, – пропищал сдавленным голосом мой сосед-очкарик, – я вообще на научную конференцию еду, у меня, кроме книг, ничего такого нет.

Похоже начинался бунт.

— Я тоже не буду сдавать, — я сам удивился своей смелой наглости. Такого раньше за мной не наблюдалось, — у меня всё по закону, пусть проверяют.

И тут массовый протест рванул по всем законам революционного времени. Это был бунт — бессмысленный и беспощадный. Автобус встал на дыбы, низы воспротивились незаконной экспроприации, а верхи не смогли удержать власть. Бугай сник, уменьшился в размерах, замолчал и ушёл на место. Мы подъезжали к украинско-польской таможне. Обошлось.

Польша промелькнула ночью. Внезапно перестало трясти и появилось освещение на дорогах. Народ наконец-то уснул тревожным беспокойным сном, прижимая сумки к животам.

Немецкие таможенники в предрассветной мгле напоминали киношных полицаев из советских фильмов в купе с танкистами из известного чешского сериала. Скучающая сонная собака была тоже при них. Служивые проверили паспорта и через пять минут покинули автобус, прихватив с собой хмурого молчаливого мужчину с тринадцатого места.

— Зря он сел на несчастливое сидение. Судьбу, сука, не обдуришь, — толстая мадам тяжело вздохнула, то ли сочувствуя, то ли злорадствуя.

Мужчина уже не вернулся. Мы уехали без него при полном отсутствии протестующих против исчезновения попутчика. Автобус незаметно пересёк восточную границу свободного западного мира.

Германия

— Да-а-а, Германия. Автоба-а-а-н..., — сосед через проход завистливо почмокал языком, — сразу видно — запад. Красота. Живут же фашисты.

Первая остановка — «Дрезденские ворота» — что-то большое и несуразное, выстроенное на автобане. Огромная парковка, словно город в миниатюре, располагала всем и для души, и для тела: от туалета до гостиницы, от детской площадки до душевых кабин. И конечно, ресторан.

— Остановка полчаса. Ждём нашу смену. Отдыхайте пока, — водитель устало потянулся.

Кушать хотелось безумно. Все рванули к буфету, разве что парочка опытных ездонов за бугор, тяжело сглотнув слюну, равнодушно прошла мимо.

Мы стоим у раздачи еды. Сначала надо разобраться в ценах. У меня в кармане всего восемь долларов. Или целых восемь долларов. Так, салат — одна марка, отбивная — три марки, кофе — марка. Всего пять. Значит чуть больше двух долларов. Пойдёт.

— Доллары принимаете? — я чувствовал себя нуворишем. Один раз живём!

— Конечно, — ресторанный дама равнодушно смотрела мимо меня. Она приняла заказ, — с вас девять долларов. Битте, — и дежурно улыбнулась.

У меня открылся рот. Кушать в него уже не хотелось. В раскрытой руке на ладонке потели всего лишь восемь денежных знаков. Дама всё поняла без перевода.

— Ето за сто грамм кушать, — она коверкала русские слова, — кофе не браць, будьет восьмь.

Салат был явно вчерашний, отбивная видала лучшие времена, очень хотелось пить. Денег не осталось. Похоже, первый немецкий блин оказался комом.

Автобус со стоянки подал признаки жизни нетерпеливым гудком. Он стремился в светлое будущее. Следующей остановкой по маршруту лежал город Хемниц. Крайняя заправка на въезде, вдалеке светится огромный торговый центр. Чисто и немногочленно. Европа. Цивилизация. Красота. В Хемнице вышло много пассажиров. Толпа встречающих, объятия, цветы, слёзы, слюни. «Люблю. Соскучился. Сигареты привезла? А мою старую кожаную куртку не забыла?»

А вот через час и моя остановка, где-то посреди «сам не знаю чего», на автобане. Почти в поле. В голове неуместный мотив: «... поле, немецкое по-о-о-ле...». В руке — заветный номер телефона пункта приёма приезжающих. Звонок — голос в трубке проклял непонятное на тарабарском. Я выдохнул воздух: «Такси битте. Плиз». Девушка на заправке помогла. Как и говорили бывалые, машину подали через десять минут, расчёт под копеечку 39,80 марок. «У меня только доллары. Двадцатка — сдачи не надо».

Неразговорчивая горничная на входе в пункт приёма, комната, постель, чашки-ложки, общая кухня. Славный город Мееране. Запах новой жизни. Запах несбыточного. Запах надежды. Предчувствие любви. Прелюдия. Наивная влюблённость. Страх перед неизведанным, но волнующим. Наивная вера в то, что всё будет хорошо.

Мееране

Магазины — неинтересно. «Вы просто никогда не ели колхозные яблоки с дерева и настоящую домашнюю сметану». «А в Москве вообще всё дороже в два раза». «Мы нашли другой магазин. Он далеко, но зато там всё дешевле».

Воспоминания о первых днях: дорогу переходить только на зелёный, иначе «хэнде хох». В автобус лучше с билетом, а то останешься стоять в поле униженный и недоехавший. Груши с дерева не рвите, они, хоть и на дороге растут, но частная собственность. Но если всё-же сорвали, то обязательно помойте.

«Ты откуда? А ты? А кем работал? Что привезли с собой? Долго нас тут продержат? Куда хотите распределиться?» — нас волновали другие, чем классиков, основополагающие вопросы.

«Я из Москвы. А я из Питера. А-а-а, ты с Украины... Ну-ну. А вы откуда приехали? Из Хабаровска? А это где?»

У столичных нос выше, прошлое ярче, будущее светлее, планы громаднее, ожидания солиднее, отношение к другим высокомерное.

«Я был главным инженером. А я ведущим конструктором. Я пел в Большом. А я работал главным врачом. Я тренировал сборную Украины по лёгкой атлетике, меня завтра заберут в Берлин, уже обещали тренерское место. А я был главным. Ведущим. Солирушим. Самым-самым».

Разговоры, как в плацкартном вагоне: правды процентов десять, не больше; но все делают вид, что верят.

Через неделю распределение по местам проживания: если повезло — в Лейпциг или Дрезден. Не повезло — Ошац, Дёбельн, тьмутаракань.

«Я же тренер сборной, не посылайте меня в Бергау, я не могу в деревню ехать, меня вообще завтра должны в Берлин забрать».

«Я со всеми договорился, кому надо дал, меня разумеется распределили в Дрезден, как и положено. Я вообще сразу к родственникам в Кёльн. Тут не развернёшься, а запад есть запад. Я точно знаю». Врёт, но мы верим. Мы вообще верим всему, что рассказывают. Слушаем легенды с открытым ртом

и впитываем непроверенную информацию, как губки. На третий день пребывания в стране я стою в паспортном столе в городке Глаухау. Решается, кому куда из нашей партии будущих немецких бюргеров ехать по распределению.

— Фрау, мадам, сеньора, товарищ! Я врач, надеюсь стать врачом и здесь. Мне надо исключительно в большой город. Я хочу учиться, — текст написан, переведён со словарём, выучен и зазубрен наизусть. Чувствую себя сыном лейтенанта Шмидта. Фрау благосклонно улыбается. Я первый, кто заговорил с ней на немецком. Пусть даже и на его подобии.

«Что Вы говорите, мадам? В Хемниц? Конечно, я согласен!»

Вечерами мужские посиделки во дворе общежития. Ещё тепло. Перед разездом по городам назначения, словно прощаясь, сигаретами все делятся без сожаления.

«Я — Сеня, это моя жена Вера. Мы из Питера», — это друзья. С первой минуты и уже двадцать три года. Мне повезло.

Хемниц

Через неделю мы в Хемнице. Город как город. На твёрдую троечку. Промышленный, несколько сероватый, без изюминки. Местами разруха, словно вчера бомбили. Конечно, не Рио-де-Жанейро, но жить можно. Есть даже свой симпатичный театр.

В квартире общежития для еврейских и не только беженцев три комнаты. Моя комната — четыре квадратных метра, рассчитанная на двоих одиноких. Двухэтажная кровать без намёка на интим. Шкаф, стол, стул. В коридоре кухня-ниша метр на метр. Она исключительно для недоедающих дистрофиков, иначе не развернуться. В большой комнате живёт семья из Одессы. Хорошие ребята. И поговорить, и выпить. Хоть и с понтами. Но кто из нас в эти дни без них. В средней комнате — мама Сара с пьющим и очень немолодым сыном. Маме под девяносто, «мальчику» за шестьдесят, но мама Сара всё тянет на себе. Пьющий еврей, не уважающий маму — это большая редкость. Нам — «повезло». Я всё слышу через фанерную стенку.

— Если будешь маму обижать, я тебя самого так обижу, что водка станет невкусной, — я решил применить крайние меры, прижав его к стене. Подействовало. Он стал больше пить вне дома и обижать маму по-тихому. Общежитие большое, людей много, но по-немецки никто не говорит. Кроме некоторых детей-вундеркиндов. Если у кого-то проблемы со здоровьем, бегут ко мне. Я делаю умный вид и всем советую аспирин и успокаивающее. Больше у меня с собой ничего нет.

Через месяц Сеня с Верой уезжают в Лейпциг. Он им по духу ближе. Похож на Питер. Становится грустно и одиноко. Зато вскоре приезжают жена с дочерью, я снова становлюсь семейным человеком.

— Фрау, мадам, сеньора, товарищ! Я врач, я не могу жить в квартире на сто человек. Мне надо учиться, — «великий и могучий немецкий язык», заученные фразы снова срабатывают, фрау в социаламте проникается ко мне всей своей официальной душой — меня переселяют в соседнее здание. Там живут только немцы. А главное — попросторнее. Трёхкомнатная квартира, и только один сосед студент Федя, говорящий на идеальном тарабарском и практически никогда не бывающий на месте. Это уже почти отдельное жильё.

— Засрался Федя, — дочери не нравится бардак в квартире и запах сгоревшей еды. По сути — правильно, а подростковый лексикон мы подкорректируем.

Наблюдение

Этот пожилой кавказский еврей приехал из дальнего азербайджанского села. Семьи нет, неухоженный,

заросший, одинокий. Немецкий — ноль, русский — два с половиной слова. Сторонится всех, наверное боится заговорить, когда никто не понимает.

«Дорогой, помоги, мне на почту надо, письмо отправить, а куда идти не знаю», — он коверкает русские слова. Мне его жалко, но я и сам не знаю, где почта: мы стоим на улице и вертим головами, словно в надежде увидеть почту.

«Ну, ты нашёл, кого спросить, у меня немецкий не лучше твоего. А вон аборигены идут, спроси у них, они наверняка в курсе», — я показываю на вереницу детей младшей группы детского сада, плетущихся за молодой воспитательницей.

«А как будет почта на ихнем?»

«Кажется „Пост“. Только сначала вежливо поздоровайся, так у них принято».

Мой собеседник долго настраивается, наконец решается, бегом догоняет воспитательницу, хватая её за плечо сзади, разворачивает рывком к себе и рычит с выпученными глазами: «Ауфвидерзеен, пост!!!» У девушки состояние, близкое к обморочному. Заросший страшный мужик хватая её за интимные части тела, пытается, наверное, похитить или, как минимум, изнасиловать и орёт: «До свидания! Почта!!!» Её шатает, она готова потерять сознание, лишь профессиональный долг ответственности за детей держит воспитательницу на плаву. Я подлетаю следом. Надо спасти обоих. «Сорри, сорри!» — мой «немецкий» бесподобен. Я делаю невинное лицо, с несчастным видом развожу в стороны руки и пытаюсь блеять: «По-о-о-ст».

Девушка понемногу приходит в себя, и тут начинается самое смешное. Она рассказывает с явным облегчением и немецкой обстоятельностью, где находится почта, но... всё на немецком. Мы оба дуеем уже после третьей фразы на саксонском диалекте, понимаем ещё меньше, чем до того, и пытаемся слинять. Девочка оказалась не совсем потерянном для общества человеком, берёт листик бумаги и рисует маршрут к почте. Заведение оказывается за углом. А то, что она так долго нам объясняла, так это то, что почта сейчас закрыта на обеденный перерыв. Обе стороны с облегчением раскланиваются. Кавказец трёхэтажно матерится на смеси азербайджанского и плохого русского. Я смеюсь над своей языковой беспомощностью. Надо учить немецкий.

«Ауфвидерзеен, пост!!!» становится нарицательным.

Немецкий язык

— Фрау, мадам, сеньора, товарищ, — я врач. Мне надо учиться. Мне нужны хорошие курсы, — я не оригинальничая перед работницей биржи труда. Если это работает, зачем менять стратегию. Хорошие языковые курсы для медицинских работников начались уже месяц назад, но мадам проникается ко мне всей своей официальной душой, тактика снова срабатывает, я попадаю в школу Фассманна.

Колоритный герр Фассманн стоит на подоконнике раскрытого окна на пятом этаже и делает вид, что готов прыгнуть вниз.

— Хотите, чтобы Фассманн сиганул вниз и разбился?! Хотите оставить моих детей голодать, а мою фрау безутешно плакать?! Хотите?! Если не хотите мой смерти, тогда учите немецкий язык, становитесь врачами и всем рассказывайте, какой хороший Фассманн, который дал вам старт в этой жизни. Фассманна похвалят и дадут новых учеников. Скажут: Фассманн — ты хороший, на тебе деньги на школу, на тебе деньги на новых учеников. Фассманн заработает деньги, ему будет чем кормить семью.

Полгода пролетают, как скорый поезд мимо безымянного полустанка. Герр Фассманн жмёт на прощание руку: «моя жена будет первой пациенткой в вашем новом праксисе». Так он говорит всем.

Жена Фассманна умерла от онкологии за три года до открытия моего праксиса.

Ваш доктор Шаевич

Продолжение следует